

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И КОМПОНЕНТНОМ СОСТАВЕ ИРМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРАБЫ И ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В настоящее время, специалистами дана характеристика различных культурных компонентов, оказавших воздействие на формирование и колорит ирменской культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы (вторая пол. II – нач. I тыс. до н.э.) западных областей (Бараба и лесостепное Прииртышье). Всеми учёными признано наличие андроновского компонента в ирменском культуругенезе. Дискуссии вызывает только, каким образом андроновский компонент повлиял на формирование населения (напрямую или опосредованно). В.И. Молодин высказался в пользу участия «...андроновского субстрата в формировании ирменской культуры, выразившемся в сохранении ряда элементов орнаментации андроновской керамики в ирменской посуде и в определенном сходстве в погребальном обряде андроновцев (фёдоровцев) и ирменцев». Вторым основным компонентом, послужившим основой для формирования ирменской культуры, В.И. Молодин считает кротовскую культуру. Кротовское наследие, по его мнению, проявляется в сохранении таких элементов погребального обряда, как захоронение в могиле вместе с погребенным черепа другого человека, частичный обжиг трупов при погребении. Специалист полагает, что можно говорить и о совпадении ареала распространения кротовской и ирменской культур [7, С. 140].

Археологические данные находят подтверждение и в антропологическом материале. Так, по мнению Т.А. Чикишевой, барабинские группы ирменского населения (на примере могильника Преображенка-III), краниологически близки к южным степным андроновским группам, особенно к «андроновцам» Верхнего Приобья. Предполагается, что Барабинская лесостепь осваивалась в течение продолжительного времени сильным андроновским родоплеменным объединением, локализованным на Верхней Оби. В результате, как считает исследователь, при сохранении в Барабе общих для ирменской среды тенденций трансформации элементов андроновских культурных традиций, возникло отличие в направлении физической ассимиляции населения, при которой позднекротовский морфологический компонент был поглощён андроновским, а не наоборот [1, С. 122, 133–143].

Одонтологические исследования, проведённые А.В. Зубовой, также свидетельствуют о формировании на территории Барабинской лесостепи экзогамных брачных структур, восходящих к особенностям брачного взаимодействия, сложившегося между позднекротовским населением и «андроновцами». В частности, у ирменского населения Барабы А.В. Зубова отмечает своеобразный комплекс одонтологических признаков (сочетание высоких, по мировым меркам, ча-

стот 4-бугорковых моляров с высокими частотами лопатообразности верхних медиальных резцов и коленчатой складкой метаконида), не известный на других территориях [4, С. 13–19, 29, 30].

Говоря об участии кротовского компонента в формировании сузгунской и ирменской культур, А.В. Полеводов обращает внимание на необычайно большое для ирменской культуры, количество парных и коллективных погребений, случаев частичной кремации погребённых, а также вторичных захоронений в ирменском могильнике Преображенка-III. При этом названные признаки погребального обряда иногда сочетаются в одних и тех же захоронениях. Аналогичную ситуацию исследователь отмечает по ирменским материалам лесостепного Прииртышья. Подобную практику А.В. Полеводов, вслед за В.И. Молодиным, объясняет участием кротовского компонента в генезисе сузгунской и ирменской культур. Но если для сузгунской культуры это воздействие названо культурно-определяющим, то для «ирмени» оно определило только локальную специфику западных памятников [15, С. 3–18].

Если роль андроновского и позднего кротовского компонентов в генезисе западного ирменского населения сомнений не вызывает, то роль других компонентов менее однозначна. Так, ранее, уральскими специалистами высказывалась мысль об участии карасукских элементов в формировании культур эпохи поздней бронзы лесостепного Прииртышья [3, С. 49–50]. Влияние восточных традиций «карасукского круга» предполагает и А.В. Полеводов [15]. Вместе с тем, В.И. Молодин отрицает подобное участие, объясняя наличие карасукских признаков в ирменских материалах, общей андроновской подосновой карасукской и ирменской культур [7, С. 140].

Говоря о взаимодействии западно-ирменского населения с носителями иных культурных традиций, специалистами отмечалась роль бегазы-дандыбаевского (позднее отнесённого к восточному варианту пахомовской культуры), саргаринско-алексеевского и сузгунского компонентов. Напомним, что бегазы-дандыбаевский компонент был выделен В.И. Молодиным на основании изучения целой группы погребений из курганных могильников Барабы (Гандичевский Совхоз, Абрамово-IV, Преображенка-III, Старый Сад) со специфичной керамикой. Высказывалось и предположение, о взаимодействии на данной территории мигрировавших из казахстанских степей групп бегазы-дандыбаевского и проживавшего здесь ирменского населения [6, С. 15–17; 7, С. 136–143]. Предполагалось также формирование на основе местного ирменского, а также пришлых групп сузгунской (север, северо-запад) и бегазы-дандыбаевской (юго-запад) культур нового этнокультурного образования [11, С. 93–97; 14].

Впоследствии В.И. Молодин предложил отнести квалифицированные ранее как бегазы-дандыбаевские памятники (либо как памятники типа Старый Сад) к пахомовской культуре, либо её восточному варианту [8, С. 70; 10, С. 247]. Сам же механизм миграции был определён как выборочный, когда мигранты образовывали анклав среди местного ирменского населения [9, С. 73–74]. Отмечалось также влияние на ирменскую культуру Барабы и саргаринско-алексеевского населения с территории Степной Кулунды [12, С. 166–168]. Вместе с тем, расширение ареала пахомовской культуры на территорию Барабинской

лесостепи, по мнению А.А. Ткачёва, представляется преждевременным. Специалист считает, что на территории Барабы сложилась оригинальная и самобытная культура, отличная от материалов Прииртышья [20, С. 22].

Роль сузгунского компонента в культуругенезе населения эпохи поздней бронзы Барабинской лесостепи рассматривалась В.И. Молодиным и М.А. Чемякиной, которыми на севере данного региона были исследованы поселения с синкретичной керамикой (Новочекино-III и др.), выделенные в барабинский вариант сузгунской культуры и датированные началом I тыс. до н.э. По мнению исследователей, особенностью барабинского варианта является яркое проступание карасукоидных черт, которые связываются с ирменской культурой. Специалисты считают, что территория северной Барабы являлась контактной зоной между культурами эпохи поздней бронзы таёжной и лесостепной частей Западной Сибири [7, С. 154–155; 13, С. 40–62].

Однако наиболее активное взаимодействие между сузгунским и ирменским населением было характерно для территории Тоболо-Иртышья, где изучение памятников двух культур осуществлялось одновременно. Исследователи обращали внимание на то, что зачастую материалы обеих культур были представлены на одних и тех же памятниках. Во многих случаях керамическая посуда памятников эпохи поздней бронзы была смешанной, синкретичной, что свидетельствовало о процессах взаимодействия двух культур. На это обращали внимание практически все специалисты, занимавшиеся изучением эпохи поздней бронзы в этом регионе.

Так В.И. Стефанов и А.Я. Труфанов, на основании анализа материалов поселения Сибирская Саргатка-I, пришли к выводу, что сложение розановского варианта ирменской культуры происходило на раннесузгунской основе. Также отмечалось, что взаимодействие ирменского (розановского) и сузгунского населения на территории лесостепного Прииртышья осуществлялось на протяжении всего периода существования культур [18, С. 75–88].

Т.М. Потёмкина, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов анализируя сузгунско-ирменское взаимодействие, отметили, что ирменская культура оказала наиболее заметное влияние на сузгунскую, что, однако не привело к кардинальному преобразованию последней. Вместе с тем исследователи затруднились определить степень влияния сузгунской культуры на ирменскую, предполагая, что определённые «лесные» черты на ирменской (розановской) керамике лесостепного Прииртышья вызваны в большей степени не сузгунским влиянием, а являются отражением наследия пахомовской культуры. Последняя, по мысли авторов, приняла участие в формировании розановского варианта ирменской культуры [17, С. 121–125].

О.Н. Корочкова, в рамках диссертационного исследования определила хронологию розановского варианта ирменской культуры в рамках XIV/XIII – XII/IX вв. до н.э. и синхронизировала её с берёзовской, бархатовской, красноозёрской культурами, с которыми предполагается взаимодействие, проявившееся в синкретизме керамики, заимствованиях хозяйственно-культурных традиций, металлообмене. На сузгунскую же культуру, как считает О.Н. Корочкова, воздействие ирменской культуры было особенно сильным [5, С. 3–33].

В.А. Борзунов, Ю.Ф. Кирюшин и В.И. Матющенко сложение среднертышского варианта объясняют приходом в X в. до н.э. ирменских племён из лесостепного Приобья и смешением с местным сузгунским населением. Исследователи считают, что слиянию способствовала однотипность их хозяйства [2, С. 160–176, 247].

А.В. Полеводов считает, что проникновение ирменского населения с востока на территорию Прииртышья началось ещё на раннесузгунском (пахомовском) этапе датированном XIII(XII) – (XI)X вв. до н.э. На сузгунском этапе (XI/X – VIII вв. до н.э.) ирменское влияние приняло характер миграции в лесостепное и предтаёжное Прииртышье. В ходе этого взаимодействия часть андроновидного населения смешалась с ирменским, образовав среднеиртышский (розановский) вариант ирменской культуры, а часть была вытеснена на запад в Ишимо-Иртышскую лесостепь, а также на север и северо-запад по долине Иртыша в предтаёжную зону [15, С. 3–18]. По материалам курганного могильника Боровянка-XXVII, А.В. Полеводов характеризует контакты и взаимодействия ирменской и сузгунской культур как регулярные и продолжительные, что, по мнению исследователя, свидетельствует о чересполосном проживании разнотипного населения на исследуемой территории [16, С. 77]. Эта же мысль выражена и в совместной публикации с О.С. Шерстобитовой [23, С. 405–408].

О.С. Шерстобитова обратила внимание на то, что ирменские памятники лесостепного Прииртышья располагаются южнее и восточнее сузгунских, локализуясь вдоль Иртыша, а в районе северной лесостепи и предтайги их ареалы накладываются друг на друга, что приводило к культурному синкретизму. Анализ синкретичной ирменско-сузгунской посуды позволил исследователю сделать вывод, что хоть ирменское население северной лесостепи и вступало во взаимодействие с сузгунским, однако сохраняло за собой приоритетную роль в определении «этнокультурного» облика лесостепной полосы Среднего Прииртышья в эпоху бронзы. О.С. Шерстобитова считает, что, несмотря на то, что ирменская традиция на Иртыше, взаимодействуя с сузгунской и претерпела некоторую трансформацию, всё же ей в большей степени, чем сузгунской удалось сохранить каноничность основных типов посуды. На основании этого, О.С. Шерстобитова пришла к выводу, что ирменское давление в лесостепном Прииртышье преобладало над сузгунским, что проявилось не только в орнаментации посуды, но и в заимствовании сузгунским населением у ирменского типов украшений, погребальной, и, отчасти, домостроительной традиции [22, С. 183–195].

Тема сузгунско-ирменского взаимодействия была затронута О.С. Шерстобитовой и в рамках коллективной монографии, посвящённой Нижнетарскому АМР. Исследователь, на основе анализа керамических комплексов поселений Надеждинка-IV/V, Алексеевка-I, XIX, XXI, показала процесс взаимодействия сузгунской и ирменской традиций.

По материалам поселения Надеждинка-IV/V, а также других поселений лесостепного Прииртышья, О.С. Шерстобитова, вслед за В.И. Стефановым и А.Я. Труфановым [18, С. 82], выделяет и дополняет специфические черты среднеиртышского (розановского) варианта ирменской культуры. К их числу она относит

сравнительно большее (по сравнению с барабинской и приобской орнаментальными традициями), присутствие ямок и ёлочных мотивов, иную постановку орнаментальных схем, связанные с сузгунским влиянием. О.С. Шерстобитовой на основе корреляции статистически значимых связей элементов орнамента поселения Надеждинка-IV/V был построен граф, демонстрирующий не только взаимодействие культур, но и наличие смешанных, синкретичных типов сузгунско-ирменской керамики. Итогом взаимодействия сузгунской и ирменской традиций, О.С. Шерстобитова как раз и считает трансформацию собственно сузгунской посуды (при влиянии ирменской традиции) в позднесузгунскую и смешанную сузгунско-ирменскую (середина – вторая половина VIII в. до н.э.). Ареал сузгунско-ирменского взаимодействия, ограничивается О.С. Шерстобитовой лесостепной и предтаёжной зоной Среднего Прииртышья, исключая Ишимо-Иртышское междуречье, где следы ирменского пребывания отсутствуют. Этот ареал, как считает исследователь, практически полностью совпадает с распространением красноозёрских памятников инберенского этапа, что подтверждает вывод А.Я. Труфанова [21, С. 66] об участии сузгунско-ирменских традиций в формировании красноозёрской культуры [19, С. 76, 81, 82, 134–142].

Таким образом, формирование и культурогенез западного ирменского населения традиционно рассматривается специалистами во взаимосвязи с процессами, происходившими на территории лесостепного Приобья. В то же время, отмечается специфика, проявляющаяся как археологических, так и в антропологических материалах. Обусловлена она, прежде всего, различными этнокультурными компонентами, наложившимися на общую андроновскую основу.

Список литературы

1. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.
2. Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и постройки заключительного периода бронзового века. Поселение и постройки межовско-ирменского культурно-хронологического пласта // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1995. – С. 160–176.
3. Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. – Томск: ТГУ, 1980. – С. 41–52.
4. Зубова А.В. Антропологический состав населения Западной Сибири в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. – 32 с.
5. Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаёжном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика. Автореф. дисс... докт. ист. Наук. – Москва, 2011. – 37 с.
6. Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. III. История и культура народов Сибири. – Новосибирск, 1981. – С. 15–17.
7. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985. – 200 с.

8. Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: НГПУ, 2010. – С. 61–77.

9. Молодин В.И., Корякова Л.Н., Мыльникова Л.Н. Комплексный проект «культурная вариативность на памятниках Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа» Уральского и Сибирского отделения РАН: опыт реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т.11. – №3. – С. 71–81.

10. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нескоров А.В. Продолжение исследований могильника эпохи бронзы Старый Сад в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 247–250.

11. Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. – М., 1992. – Ч.1. – С. 93–97.

12. Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников и истории культур народов России». – Новосибирск: Наука, 2000. – Вып.4. – 223 с.

13. Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: АГУ, 1984. – С. 40–62.

14. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–201.

15. Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис... канд. ист. Наук. – Москва, 2003. – 22 с.

16. Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: АлтГУ, 2008. – С. 69–77.

17. Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: Наука, 1995. – 209 с.

18. Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка-1) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 75–88.

19. Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. – Омск: Издательский дом «Наука», 2011. – 196 с.

20. Ткачёв А.А. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаёжного Тоболо-Иртышья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Барнаул, 2017. – 26 с.

21. Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозёрской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. – С. 57–67.

22. Шерстобитова О.С. Взаимодействие сузгунской и ирменской культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы: формы, механизмы и итоги // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. – Т.10. – Вып.7. – С. 183–195.

23. Шерстобитова О.С., Полеводов А.В. Изучение погребальных памятников эпохи поздней бронзы в Среднем Прииртышье в аспекте проблемы сузгунско-ирменского взаимодействия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2009. – Т.XV. – С. 405–408.